

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

В. И. Даль

**СТАРИК-
ГОДОВИК**
СКАЗКИ И ПОСЛОВИЦЫ

В. И. Даль

СТARIК- ГОДОВИК

СКАЗКИ И ПОСЛОВИЦЫ

Рисунки Юлии Устиновой

ЭКМО
Москва
2011

СТАРИК-ГОДОВИК

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз —
и полетела вторая тройка. Снег стал таять,
на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

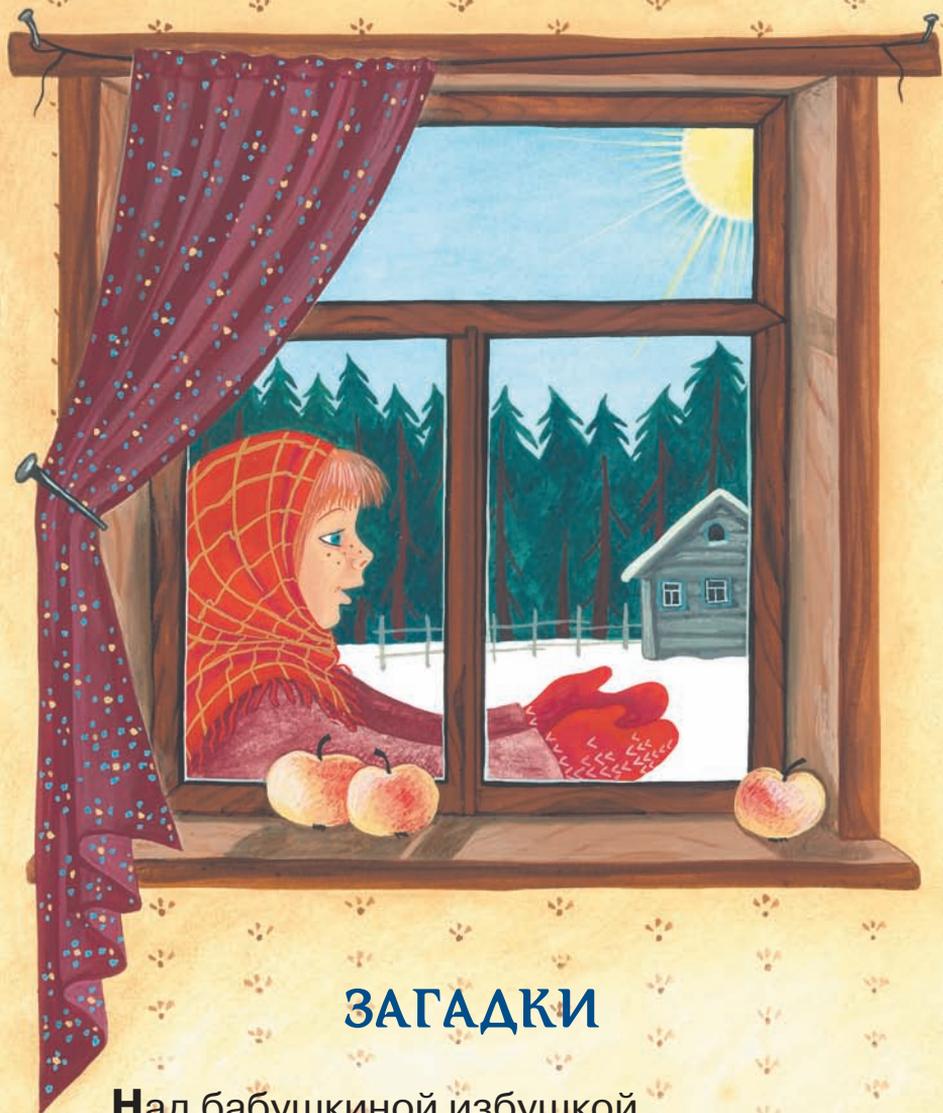
Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

ЗАГАДКИ

**Над бабушкиной избушкой
висит хлеба краюшка.**

(Месья)

**Сестра к брату в гости идёт,
а он от неё пьтится.**

(Длнь и нчч)

Махнула птица крылом
и покрыла весь свет одним пером.
(Ночь)

Зимой греет, весной тлеет,
летом умирает, осенью оживает.
(Снег)

ПОСЛОВИЦЫ

**Волка бояться —
в лес не ходить.**

**Скучен день до вечера,
коли делать нечего.**

**Не учи безделью,
а учи рукоделью.**

ВОЙНА ГРИБОВ С ЯГОДАМИ

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и чёрной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки расппевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прёт, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало, и мы в чести, в почёте, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетём, задушим её, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы гляючи, и стал он грибы сзывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Отклинулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевою ягоду, мы её шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зелёная травка.
А на ту пору пришла с коробом в лес
тётка Варвара — широкие карманы. Уви-
дав великую груздевую силу, ахнула, при-
села и ну грибы сподряд брать да в кузов
класть. Набрала его полным-полнёшень-
ко, насилу до дому донесла, а дома разо-

брала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили, да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

ПОСЛОВИЦЫ

Под лежащий камень и вода не течёт.

Труд человека кормит, а лень портит.

Дело мастера боится.

ЗАГАДКИ

Два братца в воду глядятся,
век не сойдутся.

(Речные берега)

Один говорит: «Побежим, побежим».
Другой говорит: «Постоим, постоим».
Третий говорит:

«Пошатаемся, пошатаемся».
(Вода, берез, трава)

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, учёная, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла Лиса на житьё к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедаясь и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с мёдом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью, да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

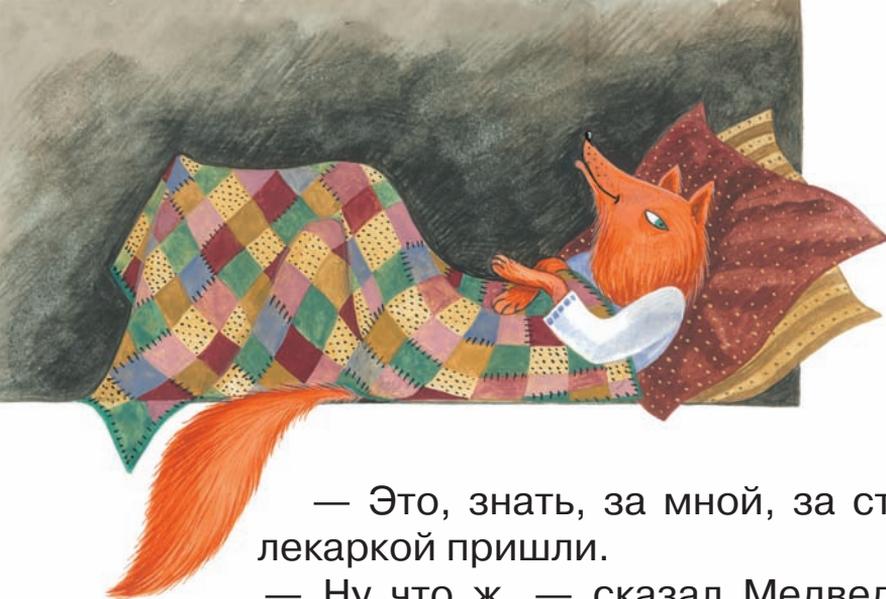

— Мишенька, никак, кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

— Это, знать, за мной, за старой
лекаркой пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, —
иди.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вста-
вать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, —
я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за
дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вско-
рабкалась на полку и ну починать кадочку;
ела, ела, всю верхушку съела, досыта на-
елась; закрыла кадочку ветошкой, прикры-
ла кружком, заложила камешком, всё при-
брала, как у Медведя было, и воротилась
в избу как ни в чём не бывало.

Медведь её спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близёхонько, куманёк; звали соседки,
ребёнок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Верхушечкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

— Мишенька, никак, опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, слезла с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарabкалась на полку, добралась до мёду, ела, ела, всю серёдку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь её спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Соседи звали, у них ребёнок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Серёдочкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведа спрашивает:

— Мишенька, никак, опять к нам кто-то стучится?

Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал медведь, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса захохала, закричала, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскрабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, припёрла камешком и всё, как надо быть, убрала.

Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Звали соседи ребёнка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Последышком, куманёк, Последышком, Потапович!

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкортке ли, захотелось опять Лисе мёду — ведь Лиса сладёна, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не даёт Медведю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, — говорит
Мишка, — хоть бы чем ни на
есть полечилась.

— Ох, куманёк, есть у меня снадобье-
еще, только бы медку в него подбавить,
и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени,
снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мёд? — заревел Мед-
ведь. — Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не
дала.

— Кума, кто съел мёд?

— Какой мёд?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, —
отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел,
всё про случай берёг; это, знать, ты, кума,
сшалила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе, да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую попал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведу, кто мёд съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мёд из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки,

вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него всё брюхо в меду.

Мишка сел, протёр глаза, провёл лапой по животу — лапа так и льнёт, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мёд из тебя вытопило! Вперёд, куманёк, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел её.

ПОСЛОВИЦЫ

Лиса всё хвостом прикроет.

**Когда ищешь лису впереди,
то она позади.**

Кто хвалится, тот с горы свалится.

Без труда не вынешь и рыбку из пруда.

ЗАГАДКИ

По сеням и так и сяк,
а в избу никак.

(Дверь)

Новая посудина
вся в дырах.

(Решето)

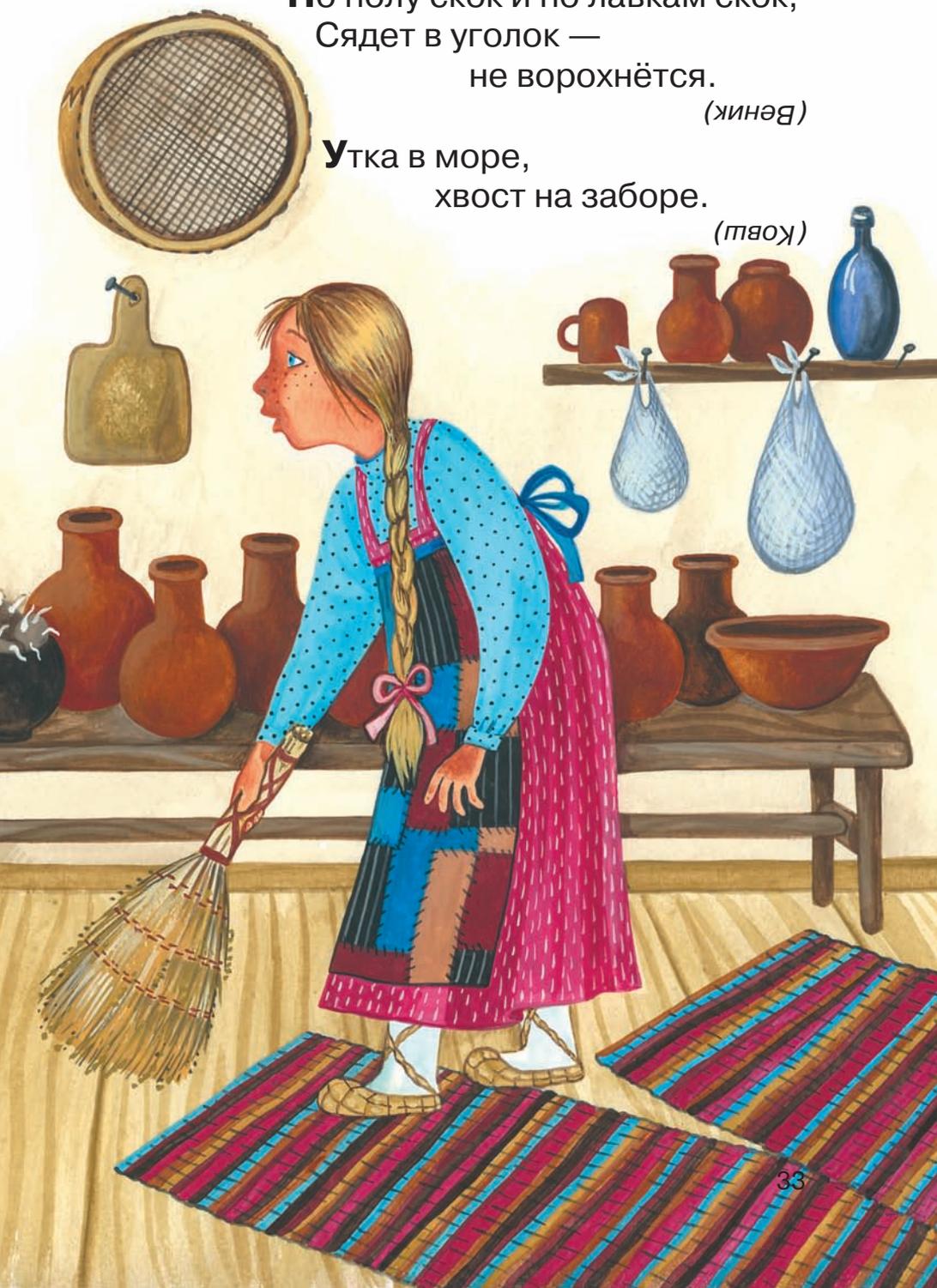

По полу скок и по лавкам скок,
Сядет в уголок —
не ворохнётся.

(Жиня)

Утка в море,
хвост на заборе.

(Ковш)

ЛИСА-ЛАПОТНИЦА

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит. «Хоть бы на один зуб чего перекусить», — думает лисонька. Вот идёт она путём-дорогой; лежит ошмёток. «Что же, — думает лиса, — ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

— Что мне, много ли надо? — просилась лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чём не бывало, легла на лавочку и хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком — глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу и отдал лисе. А лиса ещё ломаться

стала, курицы не берёт и на всю деревню воеет, орёт о том, как разобидел её старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезгать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путём-дорогой.

Идёт да песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,

Ошмётки нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спросил мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — сказал мужик, захлопнув окно.

— Я вас не потесню, — говорила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирнѣхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решётке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а пёрышки с косточками зарыла под печь; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Он туда — сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит, да голосом и причитает:

— Курочка моя, чернушка, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим её на дорогу!

Вот напоили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идёт кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё — и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся переязбла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

— И-и, куманёк, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, — и вся тут!

Подумал, подумал старик, да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяе-

вам, да и просит сберечь до утра её уточку-платиноносочку.

Приняли уточку-платиноносочку на сбережение и пустили её к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

— Видно, сердечная, умаялась, — сказала баба, влезая на печку.

Невдолге заснули и хозяйева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-платиноносочку, закусил, оцципала дочис-

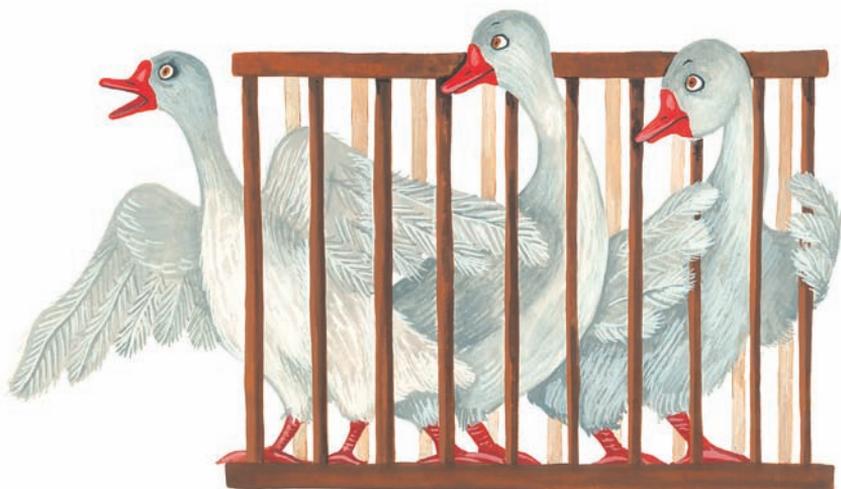
та, съела, а косточки и пёрышки зарыла под печью; сама же как ни в чём не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит — одна хозяйка в избе.

— Хозяюшка, а где хозяин? — спрашивает лиса. — Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

— Вона, хватилась хозяина! — сказала старуха. — Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

— Так счастливо оставаться, хозяйюшка, — сказала, кланяясь, лиса. — Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай её, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой — глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи сто-

ит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у неё уточка, невиданная, неслыханная, пёстрая в прозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну клониться лисе:

— Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идёт, да и припеваает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку,
За уточку — гусёночка!

Шла лиса и приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привста-

нет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

— Чего надо? — отозвался хозяин.

— Обогрей, родимый, пусти ночевать!

— Негде, и без тебя тесно!

— Я никого не потесню, — отвечала лиса, — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку — и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она суёт ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам. Но сюда уже пошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ баует?» — и стал за нею присматривать. А она, как доб-

рая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест, да и отдохнёт — вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик всё приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и пёрышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса ещё дольше прежнего, — уж хозяин её будить стал:

— Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

— А пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, — сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

— Не почто избу студить, и сама пойду, да наперёд своё добро заберу. Давай-ка моего гуся!

— Какого? — спросил хозяин.

— Да того, что я тебе вечер отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

— Принимал, — отвечал хозяин.

— А принимал, так и подай, — пристала лиса.

— Гуся твоего за решёткой нет; поди хоть сама присмотри — одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своегоде гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, — думает он, — будешь ты помнить гуся!»

— Что делать, — говорит он. — Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся отдать индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя да про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака — да на неё, а она от собаки, а собака за нею.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака — за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в неё, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

— Ушки мои, ушки, что вы делали?

— А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

— Глазки мои, глазки, вы что делали?

— А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

— Ножки мои, ножки, вы что делали?

— А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

— Хвостик, хвостик, ты что делал?

— А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

— А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! — сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: — На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащи-ла из норы.

ПОСЛОВИЦЫ

Не рой другому яму, сам в неё попадёшь.

Молодец на овец,
а на молодца и сам овца.

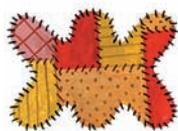

У страха глаза что плошки,
а не видит ни крошки.

Смелость города берёт.

МЕДВЕДЬ–ПОЛОВИНЩИК

ил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготавливал себе жильё, берлогу, и залегал в неё с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришёл к нему и говорит:

— Соседушка, давай задружимся!

— Как с вашим братом дружитья: ты, Мишка, как раз искалечишь! — отвечал мужичок.

— Нет, — сказал медведь, — не искалечу. Слово моё крепко — ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!

— Ну ладно, давай! — сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, оставив соху, мужик и говорит:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошёл за сохой, а Мишка идёт впереди, соху на себе тащит. Прошёл борозду, прошёл другую, прошёл третью, а на четвёртой говорит:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебе, — отвечает мужик, — ещё надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

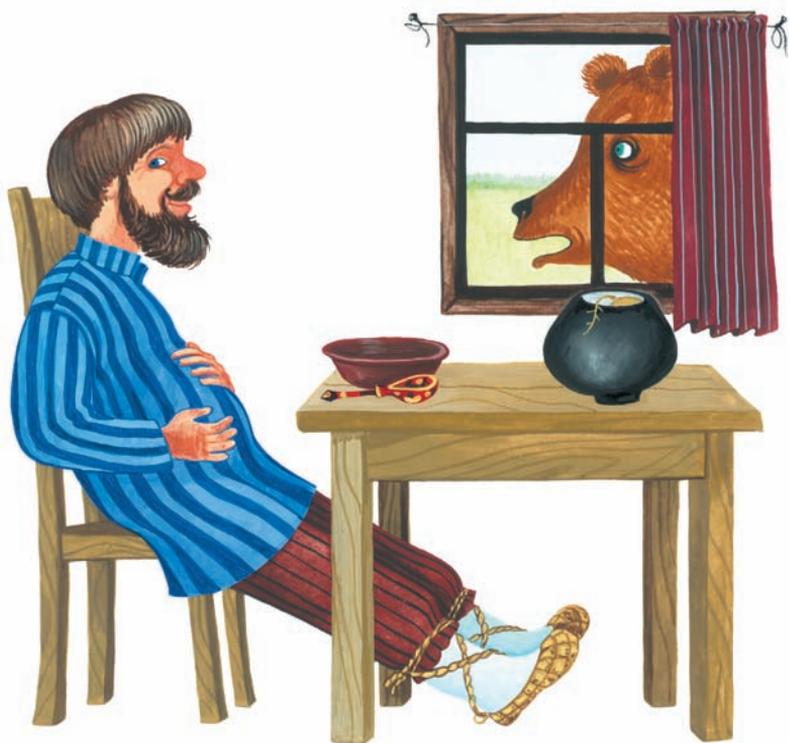
Мужик стал обедать, накормил товарища, да и говорит:

— Теперь, Мишенька, соснём, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

— Ладно, — говорит мужик, — завтра приходи, станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперёд положим, коли пашня уродит, что кому брать: всё ли поровну, всё ли пополам или кому верхки, а кому корешки?

— Мне верхки, — сказал медведь.

— Ну ладно, — повторил мужик, — твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой день заборонили, посеяли репу и сызна заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскивали, повыбрали репу: видимо-невидимо её.

Стал мужик Мишкину долю — ботву — срезывать, вороха навалил с гору, а свою репу на возу домой свёз. И медведь пошёл ботву в лес таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!..

Пошёл к мужику, поглядел в окно; а мужичок напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

«Ладно, — подумал медведь, — вперёд умнее буду!»

Медведь пошёл в лес, залёг в берлогу, пососал, пососал лапу, да с голодухи заснул и проспал всю зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошёл опять набиваться к соседу в работники — пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошёл таскать соху по пашне! Умаялся, упарился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

— Пора-де вдругорядь перепахивать.

Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь и говорит:

— Ну, мужичок, уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

— Ладно! — сказал мужик. — Твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, прошли по ниве бороной и ещё раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнёт не покладая рук; сжал, обмолотил и на мельницу свёз.

Принялся и Мишка за свой пай; надёргал соломы с корнями целые вороха и пошёл таскать в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенёк отдохнуть да своего труда отведать. Пожевал

соломки — нехорошо! Пожевал корешков — не лучше того!

Пошёл Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепёшки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

«Видно, уж моя такая доля, — подумал медведь, — что из моей работы проку нет: возьму вершки — вершки не годятся; возьму корешки — корешки не едятся!»

Тут Мишка с горя залёг в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

ПОСЛОВИЦЫ

Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Правда в огне не горит, в воде не тонет.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

Терпение и труд всё перетрут.

ВОРОНА

ила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнёзда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелётных птиц обижать, у них яички таскать.

Летел сыч и увидел, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

— Постой, — говорит он, — негодная ворона, найдём на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизой орёл, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От неё житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнёзда разоряет, детёнышей крадёт, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орёл головой и послал за вороною лёгкого, меньшого своего посла — воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной. Она было ну отговариваться, а на неё поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать — каркнула и полете-

ла, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к орлову жилью и об-
сели его, а ворона стоит посередине да об-
дёргивается перед орлом, охорашивается.

И стал орёл ворону допрашивать:

— Про тебя, ворона, сказывают, что ты
на чужое добро рот разеваешь, у больших
и малых птиц детёнышей да яйца таска-
ешь!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, на-
праслина, я только одни скорлупки подби-
раю!

— Ещё про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засеять, так ты подымаешься со всем своим вороньём и ну семена клевать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Я с подружками, с малыыми детками, с чадами, домочадцами только червячков из свежей пашни таскаю!

— А ещё на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копны сложат, то ты налетишь со всем своим во-

роньём и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем — копны разбираем, солнышку да ветру доступ даём, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орёл на врунюю-ворону, велел её засадить в острог, в решётчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день!

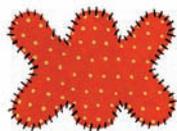
ЗАГАДКИ

Скатерть бела весь свет одела.
(Свет)

Мостится мост без досок, без топора,
без клина.
(Лед)

ПРИВЕРЕДНИЦА

или-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка.

Малашечке было годков десяток или больше, а Ивашечке всего пошёл третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, а, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: «Кисел, давай медку». Нечего делать, зачерпнёт мать на ложку мёду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. — Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком — она села и стала брату веночки плести.

Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час. Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам — та не знает, другая не видела. Взвыла Машечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у ма-тушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала — села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статься, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих ба-
тюшки да матушки садовых много — и то
ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной, да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!»

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега, и стала речку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозилась на неё река, — не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ёжик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:
— Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе маленького ребёнка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопи-

ла девочка-привередница. — Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга-баба, в избушке на курьих ножках; в услугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить:

— Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

— Ладно, — сказал он и повёл Малашечку в самую чащу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке дозревают.

«Вот бы поесть!» — думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые пле-

теницы и побежала за ежом. Он привёл её к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворённую дверь и видит — в углу на лавке Баба-Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки, да и вон из избы!

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусяное, а сам полетел к Бабе-Яге докладывать. А Баба-Яга, костяная нога, так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо

и в другое кричит — не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба-Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

— Баба-Яга — костяная нога! У нас дома неладно, что-то случилось — Ивашечку Малашечка домой несёт!

Тут Баба-Яга как расходилась!

— Ах, вы, трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

— Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

— Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

— Так-то вас, привередниц, голодом учить надо!

Ну, гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой, да с тем и домой и полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, заслыша их, притче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

— Матушка зелёная яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

— А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

— Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню — нет никого! Полетели ещё туда, сюда, да с тем к Бабе-Яге и вернулись.

Как увидела она их порожнём, закричала, затопала, завопила на весь лес:

— Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пушу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали — еле плетётся.

Вот видит она — в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

— Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы-Яги!

— То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «варёного не ем, печёного не хочу, а жареного и на дух не надо!»

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де таковой не буду!

— Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну
есть да братца кормить!

— Такого-то хлеба я отроду не видала —
словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

— Голодному и ржаной хлеб за пряник
идёт, а сытому и коврижка вяземская не
сладка! Ну, полезай теперь в устье, — ска-
зала печь, — да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, за-творилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

— Тут-а, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не найдя Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить, что им теперь делать. Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

— Разве вот что, братья, — сказал передовой вожак, — вернёмся домой, в тёплые земли, — туда Бабе-Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто

ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес, да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРИК-ГОДОВИК	3
Загадки	8
Пословицы	11
ВОЙНА ГРИБОВ С ЯГОДАМИ	12
Пословицы	17
Загадки	18
ЛИСА И МЕДВЕДЬ	20
Пословицы	30

Загадки	32
ЛИСА-ЛАПОТНИЦА	34
Пословицы	48
МЕДВЕДЬ-ПОЛОВИНЩИК	50
Пословицы	56
ВОРОНА	58
Загадки	63
ПРИВЕРЕДНИЦА	64

Даль В. И.
Д 15 Старик-годовик. Сказки и пословицы / В. И. Даль ; рис. Юлии Устиновой. — М. : Эксмо, 2011. — 80 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-47121-8

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Даль Владимир Иванович

СТАРИК-ГОДОВИК

Сказки и пословицы

Ответственный редактор *Л. Кондрашова*
Художественный редактор *И. Лапин*
Художник *Ю. Устинова*
Технический редактор *О. Кистерская*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 04.02.2011. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 5,0.
Доп. тираж 7000 экз. Заказ

ISBN 978-5-699-47121-8

9 785699 471218 >